

ПОЭЗИЯ БЕССМЕРТНОЙ ПРОЗЫ

Исполнилось 170 лет со дня рождения великого русского писателя И. А. ГОНЧАРОВА

«Нельзя знать все, достаточно понимать», — говорила Жюль Санд. Не случайно, надо думать, полюбили Гончарову эти слова — как нельзя более шли они и к нему самому...

Равно сторонясь как «искусства для искусства», так и натурализма, Гончаров шел выше — путем углубленного психологического реализма, сродни диккенсовскому — с его мягким оптимизмом, деликатным ко всякому человеку и брезгливым ко всякому злу...

«В РОМАН все уходит — это не то, что драма или комедия — это, как океан: берегов нет, или не видать; не тесно, все уместится там», — говорит Райский, герой последнего гончаровского романа «Обрыв».

Эту оценку жанра писатель через три года повторил в своем горестном — так и не напечатанном при жизни — послесловии к «Обрыву»: «...все уходит в роман, в рамки которого укладываются большие эпизоды жизни, иногда целая жизнь, в котором, как в большой картине, всякий читатель найдет что-нибудь близкое и знакомое ему».

В трех главных творениях Гончарова — романах «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859) и «Обрыв» (1869) — воплощены художественные завоевания русского социально-психологического реалистического романа.

В своем литературном завещании «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров настаивает на их единстве:

«Я... вижу не три романа, а один. Все они связаны одною общено нитью, одною последовательною идеею — перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой — и отражением их явлений...»

Действительно, романы Гончарова посвящены изображению трех последовательных этапов общественного развития России в середине и во второй половине прошлого века. В них запечатлены различные моменты преобразования России патриархально-крепостнической в Россию буржуазную, какой она стала после реформы 1861 года.

В ИСТОРИЮ русского романа Гончаров вошел в 40-х годах, как автор «Обыкновенной истории».

Проблематика первого гончаровского романа носилась в воздухе тогдашней литературно-общественной борьбы — уж Герцен представлял два века — век «мечтательного романтизма» и век «поэзии индустриальной деятельности». И Гончаров попал в точку — роман его был

восторженно принят современниками именно в контексте этой «злобы дня». Белинский тогда же писал Боткину: «Я уверен, что тебе повесть эта сильно понравится. А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму».

«Обыкновенная история» — вежа в истории русского романа. До этого русская литература знала роман в стихах и роман в письмах, роман-позему и роман-цикл повестей. Гончаров написал первый русский прозаический роман, как таковой.

Одной из характернейших черт романа, как и вообще поэтики Гончарова, является слияние высокого и низкого, патетического и комического. Тут, собственно, уже не столько даже поэтика, сколько — мировосприятие. Причем, мировосприятие — насквозь лирическое. Поэтическим складом таланта Гончаров особенно выделялся для Белинского из всех писателей той поры: «он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник».

А ИЗ «Обыкновенной истории» вырос «Обломов».

Он был как бы подсказан — или гениально угадан — Белинским. Усомнившись в жизненной правомерности финала «Обыкновенной истории», критик предлагал свой вариант: «Автор имел бы скорее право заставить своего героя заглохнуть в деревенской дичи, апатии и лени, нежели заставить его выгодно служить в Петербурге и жениться на большом приданом».

Когда Белинский писал эти слова, у Гончарова «уже в уме был готов план «Обломова»...

Явившись вершиной творчества был готов план «Обломова»... стал «одним из самых лучших романов нашей литературы» (Горький).

В образе Обломова, как в фокусе, сосредоточена вся распадающаяся, расплазующаяся по швам дореформенная жизнь крепостной России — и ее социально-нравственный смысл. В этом образе Добролюбов увидел «живой, современный русский тип», а в романе — знамение времени — «новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это — обломовщина...». Это словосимвол — открытие гения — тотчас облетело всю Россию, стало нарицательным, вошло в русскую речь и в историю

нашей культуры. Обломовщина стала ключом к разгадке целого спектра явлений русской жизни, связанных как с патриархально-крепостническим укладом, так и с его духовными отголосками — в мыслях и чувствах, в страхах и деяниях.

Обломовщина как социальный феномен была ясно понята не только передовой критикой, но и широкой читательской массой. Вот, например, слова из читательского отклика на публикацию романа в «Отечественных записках»: «Обломовцы все те, которые на труд смотрят, как на наказание, а на отдых и лень, как на райское блаженство».

Добролюбов первый обнял, насколько живуча обломовщина — потому что «в каждом из нас сидит значительная часть Обломова». «...Старый Обломов остался, — предостерегал в 1922 году В. И. Ленин, — и надо его долго мять, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел». И ведь по сей день жив в нас Илья Ильич...

«Сильнейшую сторону таланта Гончарова» Добролюбов видел в его умении «отчеканить, изваять» «полный образ предмета». Образ Обломова является высочайшим проявлением этой особенности художника. «Предмет» — неповоротливый, сонный, ко всему безразличный Обломов — потребовал от его создателя абсолютного владения словесной пластикой.

Каким же образом достигает Гончаров подлинной поэтичности и философской обобщенности в изображении сонной и мелочной жизни Обломова? Секрет в том, что он — мастер точной детали, филигранного рисунка. Подобно Гоголю, погружает он свои сюжеты в густую живицу житейских мелочей, будничных дел, привычек и помыслов — и при этом неизменно остается поэтом, умеющим в мелочах жизни прозревать высший смысл бытия...

ГОНЧАРОВ — писатель чисто русский, глубоко и безраздельно национальный.

В «Обломове» поэт открыл нам свою связь с родиной и со вчерашним днем, — писал Иннокентий Анненский, — здесь и грезы будущего, и горечь самосознания, и редость бытия, и поэзия, и проза жизни; здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах.

То с иронической усмешкой, то с болью сердечной — с вековым этим русским смехом сквозь слезы — Гончаров прочел своим бессмертным романом отходную старой жизни — с радостным, хотя и туманным упованием на грядущее ее обновление.

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.